

Произнося это, Гу Мо быстро думал. Южная опера, вероятно, была чем-то вроде хуанмэйси или юэцзюй. Хотя хуанмэйси славится своей нежностью и мелодичностью, Гу Мо знал, что только в юэцзюй существовали женские труппы, и, если он не ошибался, это началось не раньше эпохи Миньго. Но сейчас, в эпоху Великой Ю, было не время размышлять о временных рамках.

Что касается хуанмэйси, Гу Мо смутно помнил, что на свадьбе своего старшего брата он специально разучивал арию «Муж и жена возвращаются домой», где без проблем переключался между мужским и женским голосом. Но сейчас — бросив взгляд на Юэ'э — это было неуместно. Проклятый Ань Шаохуа, что за ситуацию он устроил! Он не смог контролировать свои низменные инстинкты, и теперь Гу Мо приходится быть осторожным на каждом шагу. Стоило бы послать ему пару крепких слов в качестве свадебного подарка. Думая об этом, Гу Мо поднял глаза, бросил взгляд на Ань Шаохуа и продолжил размышлять о южной опере.

Если под южной оперой они подразумевали юэцзюй, то он знал немало. Но вспоминая свои слова, он заметил, что Битао, когда он упомянул «талантливого юношу и красавицу», подавала ему знаки, слегка качая головой. Вероятно, темы о талантливых юношах и красавицах были нежелательны. Но юэцзюй... Гу Мо слегка опустил глаза, постукивая указательным пальцем по колену, перебирая в уме репертуар своей труппы:

«Лян Хун Си Сян Хэ Би Чжуй...» — «Лян Шаньбо и Чжу Интай», «Сон в красном тереме», «Западный флигель», «Сянлинсао»...

Сначала он отбросил такие произведения, как «Сянлинсао» и «Семья», относящиеся к эпохе Миньго. Как скромный путешественник во времени, Гу Мо всегда уважал исторический контекст. Если он допустит какую-то оплошность, то семья Гу, и без того находящаяся в сложном положении, не сможет его спасти, а, возможно, даже пострадает сама. Семья Ань... хм. Достаточно взглянуть на гарем Ань Шаохуа и сравнить его с его собственным двором, где служила только матушка Фэн.

Затем он отбросил такие произведения, как «Лян Шаньбо и Чжу Интай», «Западный флигель», «Жемчужная пагода» и «Павлин летит на юго-восток», где речь шла о талантливых юношах и красавицах, тайно влюблявшихся друг в друга. Даже если семья Ань не боялась именно этих четырех слов, в их эпоху, вероятно, не было времени для воспевания любви. Да, это было проклятое старое общество.

Кроме того, такие произведения, как «Бить золотую ветвь», «Отказ от свадьбы во дворце» и «Котенок, подмененный принцем», где фигурировала королевская семья, тоже нельзя было упоминать. Кто знает, что могло случиться, если бы он нарушил какой-то запрет. Даже если в конце все закончилось бы хорошо, лучше не рисковать. Хотя разговоры в комнате бабушки обычно не выходили за пределы дома, всегда могло случиться что-то непредвиденное. В обществе, где власть монарха была абсолютной, нельзя было быть слишком беспечным. Это не было чем-то жизненно необходимым, и отсутствие нескольких опер не было проблемой. Лучше быть осторожным. Ох, это сердце... оно просто разрывается. Дойдя до этого момента, Гу Мо потер грудь и выпил еще чашку чая.

«Юйтанчунь», «Кровавый отпечаток руки» — эти оперы о восстановлении справедливости... пока под вопросом. Они тоже не очень подходили. Юйтанчунь была из низшего сословия, и дамы из знатных семей, вероятно, не одобрили бы ее. «Кровавый отпечаток руки» тоже содержал элементы тайной любви, что было неуместно.

А вот такие произведения, как «Лю И передает письмо» и «Легенда о Белой Змее», где

фигурировали духи и боги, возможно, подошли бы.

«Пять девушек поздравляют с днем рождения», где высмеивались старшие, точно не годились...

«Лу Ю и Тан Вань»... хм, лучше не стоит.

Глаза Гу Мо загорелись. «Му Гуйин берет командование» точно подошло бы. Бабушка обожала эту оперу, но он не знал ее в юэцзуй версии. Если бы что-то подобное... «Двойная слава»! Он учил отрывок из роли Лян Хунъюй, и это было не так сложно! Героиня, идущая на войну... о, это было идеально!

Гу Мо сделал глоток чая, чтобы увлажнить горло, затем встал и поклонился бабушке.

— Тогда я спою для вас отрывок из роли Лян Хунъюй, — сказал он.

С этими словами он начал петь, его руки изящно двигались в такт:

*

Двадцать лет в седле провел,

Износил немало шелков.

Руки устали, иглу держа,

Чтоб согреть доспехи генерала.

Только что слышал шорох,

Почему вдруг тишина?

С плащом выхожу из шатра,

Он, глядя вдаль, забыл о холоде.

*

Гу Мо умел петь, и Ань Шаохуа знал это давно. Когда он был еще наставником второго принца, после убийства Гу Мо Ху Житу, все, от императора и императрицы до отца и дочери, продававших вонтоны в переулке Юйвэй, и рассказчиков на рынке, восхищались «вторым молодым господином Гу». Слухи были настолько преувеличены, что их невозможно было слушать.

Сначала говорили, что второй молодой господин Гу, переодевшись актером, в одиночку проник во вражеский лагерь, как он справлялся с ситуацией, как рисковал, как улучил момент, чтобы убить Ху Житу, как с помощью людей Великой Ю, захваченных северными варварами в рабство, выбрался из лагеря, вызвал подкрепление и одержал победу.

Потом слухи стали еще более невероятными.

Говорили, что в десяти ли от города Пин армия северных варваров наступала, и почтенный господин Гу возглавил войска, чтобы отразить атаку. Битва была ожесточенной, с одной стороны был непобедимый почтенный господин Гу, с другой — коварный Ху Житу, который

заставил своего заместителя притвориться собой и устроил изнурительную битву. Сражение длилось три дня и три ночи без перерыва, пока небо не потемнело от пыли и камней. Почтенный господин Гу сражался один против троих, его копье семьи Гу двигалось так быстро, что казалось непробиваемым. Ху Житу, видя, что проигрывает, приказал своему заместителю использовать скрытое оружие, чтобы напасть на него. Почтенный господин Гу не заметил этого вовремя, и ему это удалось. Но в тот же миг второй молодой господин Гу, одетый в белое, спустился с небес, ворвался в армию северных варваров, как будто это было пустое место, и отрубил голову Ху Житу. В тот же миг небеса открылись, и хлынул кровавый дождь, чтобы утешить души тысяч воинов Великой Ю, погибших на чужбине.

Другие говорили, что второй молодой господин Гу обладал невероятной силой от рождения, в двенадцать-тринадцать лет он был ростом в девять чи, с красными глазами и двойными зрачками, широкими плечами и руками размером с веер. Голову Ху Житу он сорвал собственными руками.

Были и более невероятные слухи, что второй молодой господин Гу был воплощением второго сына Небесного Короля Ли, державшего пагоду, Му Чжа, который спустился на землю с деревянным лотосом в руках, чтобы странствовать по миру. Но, будучи божеством, он не мог терпеть зверства, творимые северными варварами во время войны, и потому, воспользовавшись ночной тьмой, принял свою истинную форму, захватил душу Ху Житу и запечатал ее под деревянным лотосом, чтобы рассеять злобу.

Слухи были разными, но все они сходились в одном: второй молодой господин Гу был великим героем.

А что было на самом деле?

Согласно докладу инспектора Лю Цзяня, сопровождавшего войска, второй молодой господин Гу случайно узнал, что личная охрана Ху Житу захватила их партию зимней одежды, а вместе с ней — театральную труппу, направлявшуюся из столицы Юньань в город Пин.

Второй молодой господин Гу, будучи молодым и горячим, обманул слуг, переоделся и вышел из города, затем, переодевшись актером, проник в лагерь северных варваров. Узнав об этом, сановник Гу, несмотря на напряженную обстановку на поле боя, решил лично возглавить небольшой отряд элитных войск, чтобы спасти его.

Инспектор Лю сначала привел разумные аргументы, выступая с позиции долга, и долго спорил, не позволяя сановнику Гу из-за личных интересов подвергать войска опасности. Затем, с позиции дяди, он обратился к эмоциям: Гу Мо с детства был не по годам умным, он слишком хорошо понимал ситуацию, и если он решил пойти, значит, у него был план. Ты его отец, подумай, как ты должен поступить?

Сановник Гу, подумав, понял, что уже упустил время, и потому решил быстро перегруппировать силы. Войска взяли с собой провизию и воду, разделились на несколько отрядов, обмотали ноги тканью и тихо двинулись вперед, окружив лагерь северных варваров и затаившись в ожидании, чтобы на следующую ночь внезапно атаковать.

Но прежде чем сановник Гу дождался момента для атаки, во вторую стражу ночи второй молодой господин Гу вернулся один на лошади. Увидев Гу Мо, сановник Гу пришел в ярость и чуть не заколол его копьем, но заместитель, рискуя жизнью, спас его. Гу Мо не извинился, а заявил, что убил Ху Житу, и потребовал награды.

Остальные не осмелились действовать опрометчиво, но вскоре в лагере северных варваров

началась паника, и стало известно, что Ху Житу действительно убит. Только тогда сановник Гу приказал начать атаку. Войска Великой Ю, словно с небес, захватили лагерь, почти без боя взяли в плен около 10 000 человек и освободили почти сто подданных Великой Ю, включая ту самую театральную труппу, захваченную северными варварами.

Император, получив доклад, сразу же пришел в зал для аудиенций, освободил всех от церемоний и, обращаясь к Гу Фэну, воскликнул:

— Хорошо, хорошо, хорошо!

Все замерли, но второй принц быстро среагировал, встал перед Гу Фэном и спросил, не одержал ли сановник Гу великую победу? Император, в прекрасном настроении, положил доклад на стол и предложил принцам и их наставникам прочитать его, чтобы увидеть, что значит «у достойного отца — достойный сын», и как двенадцатилетний второй молодой господин Гу в одиночку проник во вражеский лагерь и одним ударом решил исход битвы.

<http://bllate.org/book/16674/1529271>